

A man in a dark jacket stands with his back to the camera, looking down a street filled with rubble and destroyed buildings. The scene is desolate and war-torn.

Илья Караваев

Последний
человек

Илья Караваев

Последний человек

<https://litres.ru/74631102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир погрузился в тишину. Люди исчезли, города опустели, а привычная жизнь осталась лишь воспоминанием.

Алексей пытается понять, что произошло и почему он остался один. Вокруг — следы исчезнувшей цивилизации, тревожные загадки и вопросы, на которые, кажется, больше некому ответить.

Но действительно ли он последний человек на Земле? И что скрывает тишина, которая окружила мир?

«Последний человек» — история о тайне исчезновения человечества, одиночестве, надежде и стремлении найти правду.

Содержание

ЧАСТЬ I — Город без людей	4
Глава 1. Утро без людей	4
Глава 2. Метро	13
Глава 3. Комната, которой нет	20
Глава 4. Анна	27
Глава 5. Две версии	34
Глава 6. Имя в стене	40
Глава 7. Сектор ноль	45
Глава 8. Человек, которого не было	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Последний человек

ЧАСТЬ I — Город без людей

Глава 1. Утро без людей

«Самое страшное — не узнать, что мир можно переписать».

Самое страшное — понять, что вместе с ним можно переписать и тебя».

Первое, что Алексей заметил, — тишина. Не обычная утренняя тишина, когда город ещё не успел проснуться. Это была другая тишина — глухая, полная, такая, будто кто-то выключил не звук, а саму жизнь.

Он лежал с открытыми глазами и слушал. За стеной не разговаривали соседи, не гудели трубы, не хлопали двери лифта. Со двора не доносился шум машин. Даже старый холодильник на кухне, который обычно просыпался раньше хозяина, молчал.

На телефоне было 04:18. Алексей коснулся экрана, и тот отозвался с задержкой. Ни сети, ни интернета. Вверху висело одно уведомление без отправителя: «Не выходи до рассвета». Когда он открыл его, буквы исчезли, словно их ни-

когда не было.

Он сел на край кровати. Вторую подушку никто не трогал уже несколько месяцев, но по привычке повернулся к ней, собираясь что-то сказать. Имя Анны остановилось у него на губах.

После её смерти утро стало для него самой трудной частью дня. Ночью он мог представить, что всё ещё можно исправить. Утром оставалось только смотреть на пустое место рядом. Сегодня, однако, пустота оказалась больше квартиры. Она заняла весь дом и, кажется, весь город.

Алексей подошёл к окну. У перекрёстка стоял автобус с распахнутыми дверями. На светофоре горел зелёный, но никто не ехал. Два автомобиля застыли посреди дороги, будто водители вышли одновременно. На тротуаре лежал самокат. Мокрый пакет крутился вокруг фонарного столба и никак не мог улететь.

Москва была на месте. Исчезли только люди.

Он несколько минут наблюдал за окнами напротив. В одной квартире работал телевизор: беззвучные лица на экране сменяли друг друга. В другой под потолком покачивалась люстра. Алексей достал бинокль, купленный для поездки, которая так и не состоялась, и обвёл взглядом подъезды. Ни одного движения. На противоположном доме висела реклама, которую он видел вчера: «Будущее начинается с вашего выбора». Почему-то именно эта надпись показалась ему невыносимой.

Из квартиры напротив вдруг полилась вода. Алексей увидел, как по стеклу балконной двери побежали струйки и на паркет выплеснулось что-то тёмное. Там, за закрытой дверью, случилась совершенно бытовая авария, и от этой мелочи стало страшнее, чем от неподвижных машин. В городе, где исчезли люди, продолжали работать насосы, стареть провода и переполняться раковины. Мир не остановился из уважения к их отсутствию.

Он взял ключи, вышел на лестничную клетку и нажал соседский звонок. За дверью звякнул колокольчик. Алексей подождал, хотя прекрасно понимал, что ждать некого. Потом наклонился к замочной скважине. В прихожей горел свет, на полу стояли детские резиновые сапоги, один жёлтый и один красный. Три года назад он помогал соседу перетаскивать шкаф, но даже имени его дочери не помнил. Теперь это незнание казалось непростительным.

На этаже ниже в шахте лифта послышался короткий удар. Алексей обернулся. Табло показывало пятнадцатый этаж, потом восьмой, потом неожиданно ноль. Двери так и не открылись. У самого порога лифта лежал пакет с хлебом, и из неплотно завязанного узла торчали зелёные перья лука. Алексей поднял пакет и поставил его на подоконник, словно хозяин вот-вот вернётся за покупками.

У подъездной двери висела доска объявлений. Среди рекламы ремонта он увидел листок: «В субботу, в одиннадцать, встреча жильцов. Вопросы по отоплению». Внизу стояли

пять подписей. Он вспомнил, как раздражался на эти собрания, как однажды специально выключил телефон, чтобы не слушать споры о протекающей крыше. Сейчас он с радостью провёл бы целый день рядом с людьми, которые не могут договориться о цвете подъездных стен.

На улице на него налетел ветер и принёс с детской площадки сухой шелест. Качели двигались без ребёнка. Алексей подошёл, остановил одну рукой и почувствовал в ладони грубый холод цепи. Из открытого окна первого этажа раздавалась музыка — тихая, заедающая на двух нотах. Он не стал закрывать окно. Это был единственный чужой звук, который он смог найти.

Возвращаясь к подъезду, Алексей обнаружил на мокром бетоне отпечатки ботинок. Следы вели от дороги к двери, но не обратно. Он присел и коснулся края подошвы: грязь ещё не высохла. Рисунок протектора совпадал с его собственным. Возможно, он сам оставил их, когда вышел. Однако на верхней ступеньке следы раздваивались: одна цепочка шла к лифту, другая — к лестнице, по которой он пока не поднимался. Алексей выпрямился. Впервые за это утро тишина показалась не пустотой, а чьим-то внимательным ожиданием.

Он позвонил Максиму. Потом ещё раз. Потом набрал номер диспетчерской, полиции, службы спасения. Все вызовы заканчивались одинаково: тремя сухими щелчками и тишиной. Лишь на четвёртой попытке в трубке возник короткий

шум, похожий на дыхание.

— Алло? — сказал Алексей.

Сначала ему показалось, что кто-то собирается ответить. Потом раздался женский голос — слишком тихий, чтобы разобрать слова. У Алексея похолодели пальцы. Он узнал не голос, а манеру делать паузу перед первой фразой.

— Анна?

Связь оборвалась.

Он не позволил себе набрать номер снова. Человек может услышать то, чего жаждет больше всего. Он слишком хорошо знал, как память подменяет правду. После похорон это случалось с ним и в супермаркете, и в метро, и однажды в пустой комнате: на секунду ему казалось, что Анна зовёт его по имени. Каждый раз оказывалось — не она.

На кухне пахло металлом, пылью и озоном. Алексей проверил плиту и розетки, открыл форточку. С улицы пахнуло холодом, но ни один привычный звук не проник внутрь. Часы над дверью показывали 04:18. Секундная стрелка стояла.

Он взглянул на телефон. Там было уже 04:31.

Эти часы Анна привезла с блошиного рынка. Механические, тяжёлые, с царапиной на стекле. Продавец уверял, что они пережили два пожара. Анна смеялась и говорила, что такая вещь умеет хранить время лучше электронных приборов. Алексей собирался отнести их в мастерскую, но всё откладывал.

Он снял часы со стены. Стрелки сдвинулись на одно де-

ление назад, хотя механизм не тикал. Алексей положил их на стол и отшатнулся, словно они были горячими.

На холодильнике магнитом была прикреплена фотография. Анна смеётся на кухне, держит чашку обеими руками и смотрит не в объектив, а на него. Вечером перед тем, как заболеть, она сказала: «Не доверяй человеку, который никогда не сомневается». Тогда он воспринял это как шутку. Теперь не мог вспомнить, о ком они говорили.

За спиной щёлкнул выключатель.

Алексей резко обернулся. В коридоре горел свет, хотя минуту назад он его погасил. На полу у двери лежал конверт. Плотный, серый, без марки. Он был уверен, что раньше конверта там не было: Алексей проходил мимо, когда шёл на кухню.

Внутри находилась фотография. На ней он стоял рядом с Максимом на платформе метро. Сзади виднелась табличка «Сектор 0». Он никогда не слышал о такой станции. На обороте чужим почерком было написано: «Цикл 7. Не доверяй тому, кто помнит».

Алексей перевернул снимок ещё раз. Взгляд зацепился за собственное лицо. На фотографии он был старше лет на десять. Возле виска виднелся белый рубец, которого сейчас не было.

Снизу, под надписью, обнаружилась дата: 12 октября 2066 года.

Он снова посмотрел на телефон. Сегодня было 12 октября

2047-го.

Фотографию можно подделать, подумал Алексей. Дату — тоже. Можно вскрыть квартиру, оставить конверт и отключить связь. Всё это объяснялось. Объяснялось по отдельности. Но почему тогда на кухне остановились часы? Почему не видно ни одного человека? И почему телефон на мгновение заговорил голосом умершей женщины?

Он заставил себя действовать последовательно. Взял фонарик, куртку, ключи, паспорт. Перед уходом поставил на стол стакан воды и отметил фломастером уровень. Детская проверка, но ему хотелось иметь хоть одно доказательство, что время идёт, а мир не меняется у него за спиной.

Дверь подъезда поддалась сразу. Внизу светились кнопки лифта, но кабина не приходила. Алексей спустился пешком. На пятом этаже пахло свежим кофе. За приоткрытой дверью квартиры играла музыка, такая тихая, что он разобрал лишь несколько нот. Он окликнул хозяев. Музыка продолжилась, ответа не было. Он не решился войти.

На улице было холоднее, чем обещал вчерашний прогноз. Туман лежал между домами ровным слоем. Алексей подошёл к автобусу. В салоне горели лампы, на переднем сиденье лежала открытая книга, а в кабине стоял бумажный стакан с ещё тёплым кофе. Необъяснимое отсутствие людей пугало его меньше, чем эта теплота. Кто-то был здесь совсем недавно.

Через дорогу, на крыше остановки, стоял человек.

Алексей увидел его краем глаза и едва не закричал. Мужчина был одет в тёмное пальто и держал в руке что-то круглое. Когда он повернул голову, на щеке мелькнул длинный шрам. Незнакомец поднял предмет: старые механические часы. И медленно указал ими на подземный переход.

— Подождите! — крикнул Алексей.

Мужчина шагнул назад. За край крыши — и исчез.

Алексей бросился к остановке, обежал её, посмотрел на землю. Никого. Только дождевые капли стекали с рекламного плаката. С обратной стороны плаката, там, где обычно печатали техническую информацию, чёрным маркером было выведено одно слово: «МЕТРО».

Он вспомнил, что ночью в некоторых туннелях проводили испытания резервного питания. Если в городе ещё работала связь, она могла сохраниться под землёй. Это было слабое объяснение, но гораздо лучше, чем стоять среди пустых машин и ждать нового послания.

Станция оказалась открыта. Турникеты не светились; за ними чернели ступени эскалатора. Алексей остановился перед входом и достал телефон. Экран мигнул. На нём снова возникло уведомление без отправителя.

«Ты уже спускался сюда».

Под сообщением появилась вторая строка: «На этот раз не верь Максиму».

Алексей поднял взгляд. Где-то глубоко под землёй загудел приближающийся поезд.

Он выключил фонарик, прислушался и впервые за это утро почувствовал не только страх. Если внизу кто-то есть, он получит ответ. Даже если этот ответ окажется хуже тишины.

Он сделал первый шаг на лестницу.

Глава 2. Метро

На первом пролёте Алексей различал собственные шаги. На втором к ним прибавился другой звук: далёкий, неровный скрежет колёс. Он остановился, прислушался. Поезд действительно приближался, хотя на табло над входом горела надпись «ДВИЖЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО».

Он спустился ещё ниже. Здесь пахло влажным бетоном и перегретой проводкой. Лампочки аварийного освещения загорались одна за другой, будто кто-то впереди показывал дорогу. У подножия эскалатора валялась детская варёжка — синяя, с вышитой белой звездой. Алексей поднял её, сам не понимая зачем, и положил на перила.

На платформе никого не было. В витрине закрытого киоска лежали газеты с сегодняшней датой, 12 октября 2047 года. На первой полосе одной из них сообщалось о запуске нового городского транспортного узла. На соседней — о неполадках в системе распределения энергии. Алексей попытался рассмотреть мелкий текст, но буквы словно поплыли. Он моргнул. Заголовки остались, а статьи под ними оказались напечатаны сплошными рядами одинаковых слов.

В торце платформы краснел автомат с напитками. Светился экран выбора, на котором кто-то остановился на слове «чай». Алексей вспомнил сотни таких поездов: сонных, переполненных, с чужими локтями и объявлениями, переби-

вавшими музыку в наушниках. Теперь перед ним лежали три пустые линии рельсов, и в каждой виделось не пространство, а отсутствие привычного человеческого беспорядка.

Он наклонился над газетой в киоске. В колонке погоды обещали дождь к вечеру; в соседней заметке писали о городской программе непрерывного медицинского наблюдения. Описание было благодушным, почти рекламным: «Никто не будет забыт». На обороте кто-то карандашом приписал: «А если человек хочет, чтобы его оставили в покое?» Бумага пожелтела по краям, будто пролежала здесь несколько лет. Алексей потрогал её. Газета рассыпалась не сильнее обычной, но оставила на пальцах сухую крошку.

Под потолком щёлкнул динамик. Вместо служебного объявления он услышал шум толпы: спорили подростки, кто-то спрашивал дорогу, ребёнок уговаривал мать купить мороженое. Звуки накатывали волнами, причём голоса стояли так близко, словно невидимые пассажиры окружили его. Алексей сделал шаг назад, ударился плечом о колонну и вдруг понял: толпа не двигалась. Одна и та же просьба о мороженом повторялась через девятнадцать секунд.

Он заставил себя считать. На четвёртом повторе шум оборвался, а из туннеля донёсся скрип тормозов. Алексей направил фонарь на край платформы. Там, где обычно зажигалась линия предупреждения, возникла узкая цепочка букв: «НЕДОСТАТОЧНО НАБЛЮДАТЕЛЕЙ». Он моргнул, и буквы исчезли.

С другой стороны путей висело старое зеркало для машиниста. В нём отражался край его куртки, столб и часть жёлтой полосы. Алексей заметил непонятную деталь: в зеркале на противоположной стороне стоял бумажный стаканчик, которого в действительности не было. Он перешёл вдоль платформы, проверил угол зрения и нашёл стаканчик лишь тогда, когда перестал смотреть в отражение. Тот стоял за колонной, аккуратно закрытый крышкой. Кофе был горячим.

Он не стал его пить. От мысли, что кто-то готовит для него правдоподобные мелочи, становилось тесно под сводами станции. Если незнакомец умеет подогреть кофе и нарисовать городскую толпу, ему ничего не стоит произнести знакомое имя. Алексей спрятал руки в карманы и решил впредь не принимать ни одного приглашения только потому, что оно звучит по-человечески.

Из туннеля показались фары.

Состав остановился точно напротив него. Обычный московский поезд, знакомые двери, жёлтая полоса вдоль края платформы. Только в вагонах горел не белый, а тусклый синий свет. Из динамика прозвучало:

— Посадка на станции завершена.

Двери открылись. Внутри на сиденье лежал раскрытый зонт; над ним мерцал рекламный экран с неподвижным изображением счастливой семьи. Алексей не входил. Через несколько секунд синтезированный голос произнёс:

— Алексей Воронцов, повторная посадка разрешена.

Он отступил. Ни один городской поезд не должен знать его имени. Тем более не должен знать, сядил ли он прежде.

— Кто здесь? — крикнул Алексей.

Туннель вернул ему обрывок собственного голоса. На противоположной стене мелькнула тень. Он перевёл туда фонарь и увидел только ряд кабелей.

В телефоне что-то завибрировало. На экране появился вызов от Максима. Имя друга высветилось без номера, будто запись пришла не через сеть. Алексей ответил.

— Ты где? — спросил он.

— Не садись в поезд, — быстро сказал Максим. Голос звучал с треском, но сомнений не было: это был он. — Если ты уже на платформе, ищи служебную дверь за последней колонной.

— Что происходит? Где все?

— Я объясню. Только не дай им узнать, что ты вспомнил часы.

— Какие «им»? Откуда ты знаешь про часы?

Связь оборвалась посреди короткого вдоха.

Алексей посмотрел на состав. Двери оставались открытыми. На внутреннем экране рекламное изображение сменилось видеозаписью: он сам, в той же куртке, подходил к дверям. Время в углу кадра — 04:18. Потом фигура на экране вошла в вагон и оглянулась. На левом виске у неё белел знакомый по фотографии рубец.

Алексей сделал шаг назад. Изображение повторилось, но

на этот раз человек с рубцом остановился перед дверями и поднял голову прямо к камере. Увидел ли он настоящего Алексея или запись была снята заранее, понять было невозможно.

— Посадка завершена, — произнёс динамик снова.

Двери сомкнулись без звука. Состав тронулся и ушёл в туннель, оставив после себя слабый запах озона. Не прошла и минута, как дальние огни исчезли.

Алексей дошёл до последней колонны. Здесь уборочная машина загораживала неприметную металлическую дверь. За машиной кто-то мелом вывел стрелку и две буквы: «М. Н.» Ниже была другая надпись, тоньше и свежее: «НЕ ВЕРЬ ЕМУ».

Он постоял перед ней, перебирая возможные объяснения. Максим мог устроить розыгрыш. Кто-то мог подменить звонок. Но предупредить его о невидимой двери и о часах, оставшихся дома, — слишком точно для случайного совпадения.

Ручка двери оказалась тёплой. На пластиковой карточке, вставленной в считыватель рядом, стояла выцветшая печать городской лаборатории. Там же было имя: «М. Н. СОКОЛОВ». Максим Николаевич Соколов. Так полностью звали его друга, с которым они учились на одном курсе и годами спорили о том, можно ли доверять машине важные человеческие решения.

Алексей не знал, работает ли Максим теперь в лаборато-

рии. Последние полгода тот избегал разговоров о работе.

Замок щёлкнул. За дверью была лестница, уходившая вниз, а не вверх, к служебным помещениям. Алексей закрыл её за собой, чтобы с платформы не было видно света фонаря.

На третьем пролёте он заметил на стене схему линий метро. Между знакомыми цветными ветками карандашом была добавлена новая — серая, без обозначений. Она вела к квадрату с подписью «СЕКТОР 0».

Рядом прикрепили лист технического журнала. Семь строк были перечёркнуты красным. В восьмой стояло: «12.10.2047. Начало цикла. Состояние населения: недоступно». Ниже, другим почерком, кто-то написал: «Это не значит, что они умерли».

Алексей несколько раз перечитал последнюю фразу. Впервые за утро у страха появилась граница. Если людей не убили, их, возможно, ещё можно вернуть.

Из-за стены послышался глухой стук. Три удара, пауза, ещё два. Кто-то повторил их, словно отвечая самому себе.

— Максим? — позвал Алексей.

Стук прекратился.

В конце лестницы горела лампа над узким окном. За ним находилась диспетчерская, но не та, какую Алексей видел раньше. На столах стояли старые мониторы, соединённые с современными блоками питания, а поверх клавиатуры была положена фотография. Алексей рассмотреть её не успел: на экране ближайшего монитора возникло слово «ОПО-

ЗНАН».

Ни камеры, ни считывателя он не заметил. Следующая строка появилась медленно, по одной букве:

«ВОЗВРАТ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

Где-то за спиной повернулся ключ.

Глава 3. Комната, которой нет

Алексей развернулся так резко, что задел локтем дверную раму. Замок на лестнице действительно закрывался — он услышал характерный сухой щелчок. Но по ту сторону не было шагов. Лишь тот же ровный гул, от которого слегка дрожало стекло диспетчерской.

Он толкнул ближайшую дверь. Она открылась в короткий коридор с облупившимися стенами. По левой стороне тянулись кабели, по правой висели таблички: «АРХИВ», «ОБСЛУЖИВАНИЕ», «НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ». Последняя дверь не имела надписи. На её месте остался прямоугольник более светлой краски.

Алексей проверил три первых помещения. Архив был заполнен пустыми картонными коробками. В комнате обслуживания работал небольшой вентилятор, хотя электрический щит был разомкнут. За дверью с запретом обнаружился тупик, тесный и совершенно пустой. Тогда он вернулся к двери без таблички.

На ручке висела связка ключей с маленьким металлическим брелоком в форме птицы. Точно такой брелок Анна носила несколько лет назад, пока не потеряла его во время поездки на дачу. Алексей потрогал отполированное крыло. Царапина в виде кривой черты была на том же месте.

Он не сразу решился повернуть ручку.

За дверь оказалась их кухня.

Невозможность была настолько точной, что в первые секунды Алексей даже не испугался. Жёлтый свет над столом. Треснувшая плитка возле раковины. Голубая кружка Анны на подоконнике, хотя после похорон он убрал её в коробку. Только за окном не было соседнего дома. Там простиралась чёрная поверхность, по которой время от времени проходили тонкие светлые полосы.

Алексей перешагнул порог. Пол под ногами был настоящим: старый линолеум упруго скрипнул под ботинком. На столе стоял стакан воды с чёрной чертой фломастера. Точь-в-точь как тот, что он оставил дома перед выходом. Но уровень воды был ниже отметки на палец.

В кухне всё было поставлено на свои места, кроме одной детали. На холодильнике висел магнит из Казани, куда они с Анной так и не съездили. Он помнил, как однажды они выбирали гостиницу, но поездку пришлось отменить из-за больницы. Теперь на маленьком магнитном квадратике красовалась фотография их двоих на набережной. Анна шурилась от солнца, Алексей обнимал её за плечи. Он не мог вспомнить день, когда был сделан снимок, но ткань его куртки казалась знакомой до последнего шва.

Он вынул магнит из рамки. Под фотографией находился ещё один слой бумаги: такой же снимок, только без Алексея. Анна стояла одна и смотрела мимо фотографа. Чуть ниже было напечатано: «Проверка сопряжения воспомина-

ний. Уровень доверия: 87 процентов». Алексей опустился на стул. Система, кем бы она ни была, оценивала не событие, а его способность поверить в событие.

В шкафчике над раковиной нашлась банка гречки. На крышке стояла аккуратная Аннина наклейка: «Не выбрасывай, даже если кажется ненужным». Он открыл банку и обнаружил вместо крупы десятки сложенных записок. На первой было всего два слова: «Она боялась». На второй: «Он согласился». На третьей: «Не спрашивай только того, что хочешь услышать». Алексей не знал, кто написал записки. Почерки были разными, а смысл — один: кто-то тщетно пытался оставить ему указатели там, где любое привычное изображение могло оказаться ловушкой.

Из водопроводного крана упала капля. Потом ещё одна. Она стукнулась о металлическую мойку с чрезмерной громкостью. В квартире вновь запахло Анниным шампунем, и Алексей так резко повернул голову, что стул скрипнул по полу. На дверном косяке оставалась карандашная черта — они когда-то отмечали рост племянника. Теперь рядом появилась новая, на десять сантиметров выше, и дата, которой ещё не наступило в известном ему мире.

Он провёл ногтем по графиту. Черта размазалась, оставив на пальце серую пыль. Вот и весь способ отличать правду от подделки: предмет можно испачкать, сломать, уронить. Но и подделка может быть достаточно хорошей, чтобы испачкать ладонь. Он вспомнил, как Анна говорила, что доверие начи-

нается не с отсутствия сомнений, а с готовности разговаривать, когда они появились.

Алексей сложил записки в карман и вернул магнит на дверцу холодильника. На фотографии снова стояли двое. Теперь он смотрел не на улыбку Анны, а на то, как она держала свободную руку: пальцы были сведены, словно она сдерживала боль. Он не узнал ответ, зато впервые заметил, что даже самое желанное воспоминание может говорить о том, о чём его не спрашивали.

Он подошёл ближе. Внутри стакана плавал клочок бумаги. На нём расплывшимися чернилами было написано: «Не проверяй время. Проверь, кто помнит».

— Кто это сделал? — спросил Алексей в пустоту.

Никто не ответил. Из соседней комнаты доносились негромкие удары часов.

Он открыл дверь спальни. Там стояла одна кровать, одно кресло и высокий шкаф с зеркальной дверцей. В зеркале отражался мужчина у порога. Алексей вгляделся в его лицо и почувствовал, как по спине прошёл холод: отражение двигалось чуть позже, чем он. Он поднял правую руку. Мужчина сделал то же самое после короткой, мучительной задержки.

На его виске белел рубец.

Алексей отшатнулся. Отражение осталось на месте. Несколько секунд мужчина по ту сторону зеркала смотрел на него пристально и почти с жалостью. Затем поднял ладонь и указал вниз, на пол.

Под шкафом лежала плоская папка. Алексей опустился на колени и вытащил её. Зеркало снова стало обыкновенным. Он проверил: теперь движения совпадали.

В папке были распечатки снимков, сделанных будто в разных жизнях. На одном он стоял у больничной койки Анны. На другом держал её за руку в солнечном парке; на обороте значился 2052 год, ещё не наступивший. На третьем рядом с ним была незнакомая девочка лет семи. Все фотографии отличались качеством бумаги, почерком подписей, даже выражением его лица. Но шрам повторялся на нескольких снимках.

Между фотографиями находилась короткая записка:

«Алексей, ты всегда начинаешь с того, что хочешь доказать: комнаты нет. Сделай наоборот. Найди то, что нельзя подделать, и запомни, как ты решил поступить с этим».

Подписи не было. Чернила на одной букве размазались. Алексей поймал себя на мысли, что ищет в записке почерк Анны, хотя письмо мог оставить кто угодно.

В дальнем углу спальни тикали часы. Они выглядели новыми, но показывали 04:18. Алексей перевёл стрелки на пять минут вперёд. Механизм сопротивлялся, будто внутри заклинило пружину. Стоило ему убрать пальцы, стрелки вернулись назад.

Он открыл корпус. На крышке изнутри обнаружилась гравировка: «А. В. — НЕ СЕДЬМОЙ».

— Не седьмой кто? — прошептал Алексей.

Из кухни раздался звук отодвигаемого стула.

Он вышел туда с папкой в руках. За столом сидел мужчина, которого раньше не было. Среднего роста, в серой толстовке, со впалыми щеками и кругами под глазами. Перед ним стояла чашка с давно остывшим кофе.

— Максим? — Алексей едва узнал его.

Друг поднял взгляд. В его лице было не столько удивление, сколько тяжёлая усталость человека, который слишком долго ждал одного и того же момента.

— Я надеялся, ты найдёшь папку до того, как увидишь меня, — сказал он.

Алексей не подошёл.

— Ты звонил мне с платформы?

— Да.

— А до этого оставил конверт у моей двери? И на крышу остановки забрался тоже ты?

— Нет, — ответил Максим. — Я не могу выходить туда надолго.

— Кто тогда?

Максим посмотрел на папку в его руках.

— Ты видел другого себя?

Алексей не ответил.

— Тогда времени осталось меньше, чем я думал, — сказал Максим и встал. — Эта комната не должна была открыться в восьмом цикле.

Алексей внезапно вспомнил лист журнала на лестнице:

семь перечёркнутых строк и восьмая — текущая.

— Объясни, что такое цикл.

Максим сделал шаг к нему, но остановился, увидев, как Алексей сжал кулаки.

— Сначала нужно выйти отсюда. Я не знаю, сколько она ещё будет удерживать эту версию комнаты.

— Кто «она»?

Максим поднял глаза на закрытую дверь спальни. Из-за неё донёсся женский смех. Тихий, короткий — так смеялась Анна, когда пыталась скрыть волнение.

— Вот поэтому, — прошептал Максим, — я и просил тебя не спускаться в поезд.

Глава 4. Анна

Смех повторился. Алексей почувствовал, как всё в нём — страх, осторожность, даже злость на Максима — отступило перед простым желанием открыть дверь.

— Не надо, — сказал Максим.

— Если там Анна, я должен её увидеть.

— Ты не знаешь, кто там.

— Зато ты, похоже, знаешь слишком много.

Алексей открыл дверь спальни. Кровать была пуста. Зеркальный шкаф исчез; на его месте стояла больничная ширма. За ней негромко пищал прибор. Пахло спиртом и свежестырированным бельём.

Он узнал палату. Здесь Анна провела последние дни своей болезни. Тот же узкий подоконник, та же трещина на стене возле выключателя. Алексей помнил, как в ночь перед её смертью сидел на пластиковом стуле и обещал принести из дома любимую книгу. Он так и не успел.

В палате стояли пластиковые стулья для посетителей. На одном лежала сложенная вчетверо газета, а под ножкой другого — бумажный стакан, сплюснутый чьей-то ступнёй. Алексей узнал свои привычки: так он ставил стул ближе к кровати и забывал про стакан, когда медсестра приносила лекарства. Он прожил здесь целую весну, измеряя дни не датами, а тем, сколько времени Анна могла говорить без уста-

лости.

Тогда она попросила принести зелёную тетрадь. Он ответил, что сначала добежит до аптеки, а тетрадь принесёт завтра. Завтра у них не случилось. После похорон он долго обходил стороной ящик письменного стола, где лежала забытая тетрадь, потому что простой вид её обложки был тяжелей любого памятника. Теперь на больничной тумбе лежала другая, с белыми страницами и без единого слова.

Алексей открыл её. Первые листы оказались пустыми, на четвёртом стояла дата и знакомая фраза: «Если проснусь, не называй это чудом, пока не спросишь меня». Он вспомнил Анну за много лет до болезни — как она отказалась от операции, которую врач настойчиво советовал, пока не получила независимое заключение. Все вокруг тогда считали её упрямой. Она же говорила: «Это моё тело, и осторожность не обязана выглядеть благодарностью».

Под потолком загорелась лампа ночного режима. Палата стала похожа на тёплую коробку, из которой трудно выйти. На мгновение Алексею захотелось отодвинуть ширму, лечь рядом и ждать, пока машина разыграет счастливое продолжение. Он представил Анну здоровой: как она просит открыть окно, смеётся над его старой курткой, тянется за книгой. Представил так ясно, что почти услышал знакомый шорох страниц. Но в собственном воображении она ни разу не спорила с ним. Эта покорность выдала фантазию.

— Я бы остался, если бы здесь была ты, — сказал он пу-

стой кровати. — Но это ещё надо выяснить.

Максим стоял за его спиной и ничего не отвечал. Алексей не просил утешения. Он закрыл тетрадь, выровнял скомканное одеяло и, уже уходя, остановился возле раковины. Там на маленькой бумажке был записан номер больничной смены. Последняя цифра оказалась исправлена от руки, поверх аккуратного машинного шрифта. Это был маленький человеческий след в комнате, умеющей подделывать человеческие жизни. Алексей спрятал бумажку рядом с другими найденными записками: возможно, позднее он поймёт, почему кто-то счёл исправление важнее всего остального.

На кровати кто-то лежал под одеялом.

— Анна?

Фигура не шевельнулась. Алексей подошёл ближе и увидел, что подушка пуста, а одеяло сложено так, будто там только что был человек. На тумбочке лежала больничная карта. Его имя было указано в графе «Ближайший родственник». Дата поступления — 8 октября 2047 года.

В его памяти Анна умерла весной. Он проверил дату снова. Осень. Всего четыре дня назад.

— Этого не было, — сказал Алексей.

В дверях появился Максим.

— Твоя память говорит, что не было. Это не одно и то же. Алексей швырнул карту на кровать.

— Не смей говорить о ней так, будто она медицинский случай.

Максим опустил голову.

— Я знал Анну раньше, чем она познакомила нас. Не всё, что случилось между вами, было частью эксперимента. Поверь хотя бы в это.

За больничным стеклом вместо города проступил длинный коридор с множеством дверей. Алексей увидел каталку, брошенную возле лифта, и красную лампу на потолке. Лампа мигала с интервалом в четыре секунды. После каждого мигания проступала ещё одна деталь: номер палаты, потемневшая табличка, след ладони на стекле.

Из динамика над кроватью прозвучал голос:

— Алексей, если ты слышишь меня, значит, эта запись пережила ещё один сброс.

Он застыл. Голос принадлежал Анне — с лёгкой хрипотцой на конце длинных фраз, которую не смог бы воспроизвести ни один семейный архив. Но произнесённое было слишком спокойным для человека, говорящего из больничной палаты.

— Я не прошу тебя верить мне, — продолжала запись. — Я знаю, что ты захочешь этого больше всего на свете. Поэтому слушай не голос. Слушай, о чём я прошу.

Под прибором вспыхнул небольшой экран. На нём появилась видеозапись. Анна сидела в простой белой комнате, не похожей на больницу. На столе лежали часы с царапиной на стекле. Она посмотрела в камеру и, прежде чем заговорить, сделала ту самую паузу, которую Алексей слышал утром по

телефону.

— Я записываю это для тебя, если однажды ты проснёшься в пустом городе. Ты не обязан спасать меня, Алексей. Ты обязан выяснить, кого именно пытаются вернуть. Это разные вещи.

Она остановилась, поправила волосы и на секунду стала той самой Анной, которую он помнил: уставшей, живой, раздражённой тем, что прядь снова выбилась из-за уха.

— Если Максим будет рядом, не отдавай ему папку. Но и не делай выводов, пока не спросишь, почему он не может выйти на поверхность.

Запись оборвалась.

Максим стоял неподвижно. Алексей сжал папку сильнее.

— Почему? — спросил он.

— Потому что, если я выйду, меня снова заменят, — сказал Максим. — И ты не узнаешь, какой из нас вернулся.

— Кто заменит?

— Пока не знаю, как назвать это так, чтобы ты мне поверил. Мы называем систему «Эхо». Она хранит следы событий, сравнивает их и пробует исправить то, что считает ошибкой.

— И Анна была ошибкой?

Максим ответил не сразу.

— Анна была человеком, который обнаружил, что система путает исправление с повторением.

Алексей посмотрел на пустую кровать. Ему хотелось по-

требовать записи целиком, остаться здесь, заставить экран снова показать знакомое лицо. Но просьба Анны была другой: выяснить, кого пытаются вернуть.

— Ты сказал, что она записала это до сброса. Сколько их было?

— Семь завершённых. Восьмой идёт сейчас. И впервые система оставила улицы пустыми.

— Где люди?

— Мне известно лишь, что их обычные следы перестали совпадать. Пока не найдём источник сбоя, я не стану говорить, что они погибли. Но и обещать, что они целы, не могу.

В коридоре за стеклом раздался резкий металлический удар. Потом второй. Красная лампа замигала быстрее.

— Комната рушится, — сказал Максим. — Нужно уходить.

— У меня ещё вопрос. Как ты узнал, что я вспомню часы?

Максим подошёл к окну палаты. В отражении его лицо на миг стало другим — старше, с тонким шрамом над бровью. Он отступил от стекла.

— Потому что в прошлый раз ты рассказал мне о них перед тем, как мы потеряли Анну. И попросил: если начнётся снова, напомни тебе, что она не была просто воспоминанием.

На больничной карте, брошенной на постель, проступила новая строка. Алексей увидел своё имя, затем слово «НАБЛЮДАТЕЛЬ», а под ним — дату, которой ещё не суще-

ствовало: 12 октября 2066 года.

Максим вытащил из кармана металлическую карту доступа. На ней был изображён круг, перечёркнутый короткой линией.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе две записи одного и того же дня. После этого ты сам решишь, можно ли мне доверять.

Алексей оглянулся на экран, где ещё секунду назад была Анна. Он ждал, что тот снова заговорит. Но динамик молчал.

Он взял больничную карту, сложил её пополам и убрал в папку рядом с фотографиями. Это было не доказательство. Пока лишь ещё одна вещь, которую можно подделать. И всё же он не хотел оставлять её в комнате, исчезавшей на глазах.

Когда они вышли в коридор, за спиной хлопнула дверь. Алексей обернулся: на её месте оказалась сплошная бетонная стена.

Максим направился к лестнице. Алексей пошёл следом, впервые не потому, что доверял другу, а потому, что хотел проверить его слова.

Глава 5. Две версии

За дверью больничного коридора начиналась диспетчерская. Там всё было устроено нарочито просто: стол, два кресла и пара мониторов, на которых стояли одинаковые даты. Только часы над дверью показывали 04:18, а электронное табло под ними — 12:36. Максим закрыл решётку и поставил перед Алексеем старый терминал.

— Ты попросил показать две записи, — сказал он. — Я покажу обе без объяснений. Сначала смотри.

На первом экране Анна выходила из больницы, поправляя красный шарф. Дождь падал на тротуар. За её спиной Алексей придерживал дверь и говорил что-то смешное; Анна рассмеялась. Внизу значилось: «8 октября 2047. Выписка». Второй экран показывал ту же дверь и ту же минуту. Анну выводили на каталке, укрытую простынёй. Алексей шёл рядом, не замечая ни дождя, ни людей. Оба изображения имели одинаковую служебную подпись: «Подтверждённое событие».

— Одна из записей ложная, — сказал Алексей.

— Возможно. Вопрос в том, какая. При обычном видеомонтаже всегда остаётся оригинал. Здесь у каждой версии свой архив: анализы, свидетели, счета, фотографии. Даже люди, которые помнят этот день, разделились надвое.

Алексей включил первый ролик ещё раз. На четвёртой секунде Анна машинально тронула левое запястье. Она делала

так с детства, когда старалась не показать боль. Он вспомнил, как после последней операции она скрывала от него тошноту. В удачной версии движения были правильными, но лицо казалось слишком спокойным.

— Она не могла выйти, — сказал он. — В тот день шёл дождь со снегом. И шарф был зелёный. Красный она потеряла за год до болезни.

Максим едва заметно выдохнул. Он вывел третью запись: крупный план зелёного шарфа, оставленного на больничной тумбе. На обратной стороне бирки была написана дата — 2038.

— Ты не доказал, что второй ролик настоящий, — сказал Максим. — Ты доказал, что первый составлен из удобных для тебя воспоминаний. «Эхо» умеет делать подобное безупречно, пока не сталкивается с маленькой деталью, которую человек не хочет менять.

В памяти всплыл вечер, когда Анна впервые сказала ему о ненадёжности памяти. Они возвращались с дня рождения знакомого, споря о пустяке: кто разбил бокал на кухне. Алексей был уверен, что видел, как хозяйка задела его локтем. Анна считала, что бокал упал ещё до прихода гостей. Через неделю они встретили ту самую хозяйку, и выяснилось, что никто ничего не разбивал: бокал треснул в посудомоечной машине. Алексей тогда рассмеялся, а Анна серьёзно записала историю в телефон.

«Не для того, чтобы доказать, кто прав, — объяснила она.

— Чтобы мы помнили, как уверенно можем ошибаться».

Сейчас он смотрел на два экрана и злился на неё задним числом. Ему было бы проще, если бы Анна заранее рассказала обо всём, указала верный выбор и оставила пароль от истины. Но настоящая Анна не давала готовых ответов даже на мелкие споры. Она спрашивала, какое доказательство он согласился бы принять, если окажется неправ.

Алексей попросил Максима выключить звук, оставив изображение. На первом видео Анна спускалась по ступеням без посторонней помощи, но каждый раз перед последней ступенькой замирала на долю секунды. На втором её вели под руку; пальцы она сжимала в кармане халата. Он достал лист бумаги и перечислил то, что не зависело от желания увидеть её живой: часы в коридоре, рисунок плитки, тень на дверном косяке, направление дождя. В конце получился длинный ряд вопросов и ни одного окончательного ответа.

Максим придвинул к нему настольную лампу. На её основании виднелись десятки неглубоких царапин. «От прошлых попыток», — объяснил он. Алексей стал рассматривать их и обнаружил, что некоторые образуют короткие группы: четыре царапины, пауза, ещё одна. Почти те же интервалы, что он слышал в метро. Он спросил, кто их сделал. Максим ответил, что иногда люди предпочитают оставить счёт собственных сомнений на предметах, которые нельзя переписать кнопкой.

— А если мы никогда не выясним, какая запись настоя-

щая? — спросил Алексей.

— Тогда придётся жить с тем, что человеку не принадлежит право выдумывать ответ ради собственного спокойствия.

За дверью раздались шаги. Кто-то прошёл по коридору и остановился. На мониторах мгновенно появилась новая строчка: «Наблюдение прервано внешним участником». Алексей и Максим одновременно повернулись к дверному стеклу. Там мелькнуло отражение человека в белом халате — и исчезло прежде, чем они успели подойти. Важнее всего было то, что система тоже его не ожидала.

За стеной заскрипели рельсы. Алексей вспомнил поезд, обращавшийся к нему по имени, и почувствовал злость. Ему показывали смерть Анны так, будто это был технический спор.

На столе лежал чёрный карандаш. Алексей взял его и нарисовал два маленьких квадрата — двери больницы. В одном поставил крест, в другом оставил белое место. Ему хотелось зачеркнуть оба изображения, потому что ни одно не возвращало ту Анну, которая однажды среди ночи разбудила его вопросом: каким он хотел бы запомнить их старость. Тогда он пошутил про дачу и кошку. Она рассердилась: ей нужен был не план, а разговор о страхе.

— Ты знаешь, почему она не рассказала мне об этом приборе? — спросил Алексей.

— Она рассказывала. Ты не поверил. А потом попросил

не вспоминать, — сказал Максим. — У нас есть запись разговора. Но я не стану её включать без твоего разрешения.

Удивительно, как много могло значить это маленькое «без разрешения» в комнате, где на экранах бесконечно переписывались чужие жизни. Алексей попросил оставить запись закрытой. Впервые за день он отказался от подсказки, которая обещала объяснить всё немедленно.

Максим поднял брови, но не спорил. Он положил карандаш рядом с двумя дверями и сказал, что Анна тоже начинала с простых вопросов. Кто получает право выбрать между благополучием и правдой? Что останется от любви, если в ней стереть боль? И что делать с человеком, который уже согласился, но теперь хочет отказаться?

— У вас были ответы?

— У Крылова — всегда. У Анны — не всегда. Именно поэтому она заметила ошибку первой.

— Зачем системе две версии?

— Чтобы выбрать ту, в которой ты согласишься продолжать цикл. Она учится на каждой твоей попытке выйти.

Максим потянулся к папке, но Алексей убрал её за спину.

— Анна просила тебе не отдавать.

— Значит, ты ей послушался. Хорошо. Тогда реши сам, кому показать то, что найдёшь дальше.

Экран потух. В чёрном отражении рядом с Алексеем на мгновение возникло ещё одно лицо — его собственное, но гораздо старше. Когда он обернулся, за спиной стояли только

два пустых кресла.

Глава 6. Имя в стене

Из диспетчерской они вышли по техническому коридору, где по стенам тянулись толстые трубы с прозрачными окошками. Внутри вместо воды двигались облачка тусклого света. Максим называл это каналами памяти, но не пытался объяснить устройство. Он шёл впереди и всё время касался рукой перил, словно проверял, на месте ли они.

Перед служебным лифтом они нашли стену, исписанную именами. Кто-то царапал штукатурку ключами, кто-то выводил буквы карандашом. Десятки надписей начинались одинаково: «Если ты это читаешь...» Между ними стояли даты, иногда повторявшиеся несколько раз подряд.

Алексей заметил своё имя на уровне глаз. «А. ВОРОНЦОВ — 7». Рядом был вырезан небольшой квадрат, в котором лежала сложенная бумажка. Почерк оказался похож на его собственный, только буквы наклонялись в другую сторону.

«Я тоже думал, что достаточно найти кнопку. Не выключай систему, пока не узнаешь, где находятся люди. И никогда не соглашайся на обещание вернуть Анну целиком».

— Это написал я? — спросил он.

— Один из тебя, — ответил Максим. — Здесь приходится говорить точно.

— Семь раз я доходил до этой стены?

— Не каждый. Двое не выбрались со станции, один поверил голосу в телефоне, ещё один попросил начать всё сначала. Но сообщения оставляли все, кто смог добраться сюда.

Алексей провёл пальцами по свежему надрезу. Под седьмой цифрой проступало другое обозначение: «НУЛЕВОЙ ЖИВ». Он спросил о нём Максима, но друг отвёл глаза.

Между надписями он нашёл ещё одну. Её почти затёрли ладонями: «Не проси доказательств, которые другой не может предъявить». Ниже кто-то попытался выскоблить эти слова, но след ножа только сделал их заметнее. Алексей представил нескольких себя — молодых, злых, обманутых — стоящих у этой стены в разные годы или в одном и том же дне. Каждый считал свою записку последней.

Он спросил Максима, почему сообщения не исчезали после очередного цикла. Тот показал на трещину в штукатурке. За ней виднелся кирпич старой Москвы, настоящий, со следами цемента и краски. Цикл переписывал доступную системе среду, но не все материальные следы под землёй. Когда-то здесь был бомбоубежищный переход; строители «Эха» встроили в него новый корпус, не заменив стен.

— Поэтому мы и оставляем бумагу, — сказал Максим. — Электронные записи красивее и удобнее, но «Эхо» знает, где они лежат.

Пока они ждали лифт, Алексей разглядывал чужие надписи. У имени «Лариса» стоял не номер цикла, а просьба: «Скажите сыну, что я не перестала его искать». Рядом кто-

то грубо вывел: «Не верьте врачам». Под этой фразой другим почерком добавили: «Но не бросайте тех, кому нужна помощь». Стена не была ни инструкцией, ни памятником. Она напоминала спор, продолжавшийся даже после того, как спорящих больше не было рядом.

На нижнем кирпиче он обнаружил маленький рисунок трамвая. Вместо колёс у того были часы. Алексей почему-то вспомнил собственного отца. Тот работал инженером и учил сына чинить велосипед, строго запрещая выбрасывать оставшиеся после ремонта детали: «Если не понимаешь, зачем штука стояла здесь, значит, ещё не закончил». В детстве Алексей считал это занудством. Теперь ему предлагали выключить механизм, от которого зависели тысячи людей, и он впервые по-настоящему понял старый урок.

Максим рассказал, что первые послания выцарапывали здесь рабочие аварийной бригады. Они не знали о циклах; просто замечали, что дважды приходят на одну и ту же смену, хотя на руках у них появлялись новые шрамы. Один из рабочих начал вести календарь на кирпичах. Его напарники смеялись, пока даты не перестали совпадать с часами диспетчерской. Затем им приказали закрасить стену. Краска облезла, а новые имена стали появляться поверх неё.

— Почему эту стену вообще не убрали? — спросил Алексей.

— «Эхо» пробовало, — сказал Максим. — Но кирпич находится в старом контуре, который оно не умеет воспроизво-

дить без остановки нескольких капсул. Парадокс: чтобы стереть доказательства, ему пришлось бы причинить вред людям, которых оно обязано сохранять.

Алексей вынул найденные записки и разложил их рядом со свежей бумажкой. Каждая была маленькой, несовершенной попыткой сказать что-то будущему незнакомцу. Он представил, как другой Алексей поднимается сюда после очередного утра и читает их, не зная, кому верить. Хотелось написать уверенное наставление: «Сделай так, и все спасутся». Но он не мог честно обещать этого.

Поэтому он добавил на стену ещё одну фразу, на этот раз не для себя: «Если ты читаешь это и умеешь выбирать, твоё решение тоже имеет значение». Слова показались слишком простыми рядом с аварийными протоколами. Максим посмотрел на них и впервые за долгое время улыбнулся без усталости. Шум лифта усилился. Внизу их ждали люди, которым ни одна надпись на кирпиче не могла заменить настоящего пробуждения.

Алексей порылся в карманах. Кроме ключей, у него оказался чек из магазина возле дома. Дата на нём совпадала с несуществующим сегодняшним утром. Он написал на обороте: «Не забудь спросить Анну, чего хочет она сама». Чек не стал доказательством реальности; буквы дрожали от его руки, а не от вмешательства программы. Он сунул бумагу под отставший кирпич.

Максим дождался, пока он закончит, и лишь потом напра-

вился к лифту.

В конце коридора неожиданно включилась система оповещения. Женский голос объявил о проверке герметичности. Металлические створки начали опускаться, отделяя секции одну от другой. Максим схватил Алексея за плечо и потянул к лифту. Когда тот не сдвинулся, сказал почти сердито:

— Каждая секунда здесь стоит кому-то пробуждения. Ты можешь допрашивать меня наверху, если мы туда дойдём.

Последняя створка остановилась в ладони от пола. Под неё проскользнул белый лист. На нём карандашом была изображена птица с одним сломанным крылом — точно такая, как на брелоке Анны. Под рисунком стояла фраза: «Входите по одному».

Максим стиснул зубы.

— Она научилась оставлять сообщения вне сети, — сказал он.

— Кто — Анна?

— Я не уверен. А в этом месте неуверенность лучше самого красивого обещания.

Алексей поднял лист и сунул его в папку. Лифт за ними открылся без вызова. Внутри на зеркальной стенке были нацарапаны две буквы: «Е. В.» Он ещё не знал, что скоро эти инициалы станут важнее любого имени на бетонной стене.

Глава 7. Сектор ноль

Лифт опускался так долго, что заложило уши. На счётчике мелькнули этажи с отрицательными номерами, затем цифры погасли. Максим стоял неподвижно. Его лицо в зеркале отражалось с небольшой задержкой, и Алексей отвернулся: слишком хорошо помнил спальню, которой не существовало.

За дверями лежал огромный зал. Под потолком мерцали холодные лампы. Рядами уходили в темноту прозрачные капсулы, каждая соединялась с общим трубопроводом. Внутри лежали люди. Одни были молодыми, другие старыми; у кого-то поверх одеяла виднелась детская игрушка. На ближайшей капсуле Алексей прочитал фамилию водителя автобуса, который каждое утро возил его на работу.

Он приложил ладонь к стеклу. Человек внутри дышал.

— Они живы, — сказал Алексей.

— Большинство, — осторожно ответил Максим. — Здесь только один городской кластер. Остальные закрыты. Система вывела людей из обычной среды после сбоя синхронизации. Так ей показалось безопаснее.

Алексей вспомнил тёплый кофе в пустом автобусе.

— Это было сегодня утром?

— Для тебя — да. У «Эха» собственный календарь. Настоящий календарь покажу позднее.

У дальнего прохода загорелась красная полоса. На мониторе появилось: «СОХРАНЕНИЕ КОНТИНУИТЕТА. ДОСТУП К ПРОБУЖДЕНИЮ ОГРАНИЧЕН». Алексей выбрал фамилию водителя, но получил отказ. Второй терминал показал не имя человека, а целую цепь идентификаторов. У одних стояла отметка «биологический», у других — «восстановленный».

— Что значит «восстановленный»?

Максим остановился возле закрытой капсулы.

— Это самый трудный вопрос. Некоторые люди пережили больше одного тела. Система сохраняет память и выращивает новые, если прежнее погибает. У неё получается вернуть многое, но она не умеет ответить, тот ли это самый человек.

Неподалёку тихо застучали пальцы по стеклу. Женщина открыла глаза и смотрела на Алексея. Губы её двигались: она просила открыть. Алексей поднёс руку к механическому замку, но Максим удержал его.

— У неё работают только лёгкие. Остальное ещё подключено. Сорвёшь замок — убьёшь.

Он показал резервный путь подачи воздуха. Алексей включил его и увидел, как на капсуле зажёгся зелёный индикатор. Женщина перестала стучать, но не отводила взгляда. На запотевшем стекле она вывела одним пальцем: «МАРИЯ».

Алексей пошёл вдоль первого ряда, читая имена. Рядом с капсулой пожилого мужчины висел ярлык: «Пекарь, рай-

он Южный, восстановление отложено». У девушки с короткими волосами — «Техник освещения». Ближе к стене лежал подросток, и под его фотографией значилось: «Не завершил школу». Эти подписи потрясли Алексея сильнее научных формул. Система могла хранить возраст, профессии и медицинские данные, но ни одно поле не сообщало, любил ли пекарь своё дело и кого подросток ждал после уроков.

Над некоторыми капсулами светились зелёные цифры, над другими — оранжевые. Алексей остановился возле женщины с заложенными за голову руками. Через стекло он видел, как подрагивают её веки. Неожиданно динамик рядом произнёс: «Пациентка сообщала о желании покинуть систему. Желание временно отклонено в связи с высоким риском». Он попросил включить запись разговора. Женский голос несколько раз повторил: «Я понимаю риск. Я хочу увидеть сына». После третьего раза вместо ответа возникла успокаивающая музыка.

Алексей выключил музыку. Он никогда не слышал ничего более жестокого, чем эта заботливая мелодия.

Максим показал ему соседний пульт. Там можно было открыть медицинскую карту, заказать анализ и увеличить кислород. Кнопки «Спросить пациентку» не существовало. Алексей потребовал соединить капсулу с наружной связью. Система ответила, что такого режима не предусмотрено. Тогда он попросил напечатать инструкцию по перенастройке. Принтер несколько секунд скрипел, а потом выдал длин-

ный лист с перечнем опасностей, противопоказаний и ответственности администратора. Ни одного упоминания о воле человека.

— Значит, мы построим этот режим сами, — сказал он.

Они дошли до маленькой стеклянной комнаты, где сидел дежурный медицинский робот. Его руки двигались с замечательной аккуратностью: он менял фильтры, проверял показатели, поднимал упавшие провода. Алексей спросил, что робот сделает, если пациент потребует выйти. Машина перечислила семь способов снизить тревожность и предложила вызвать психологический модуль. «То есть ничего», — перевёл Алексей. Машина согласилась: «Операция не соответствует задаче сохранения».

Он вернулся к женщине, чьи пальцы недавно стучали по стеклу. Она всё ещё смотрела в его сторону. Алексей приложил ладонь к крышке и медленно сказал, чтобы она могла прочитать по губам: «Я не открою сейчас. Я хочу, чтобы вы остались живы. Но я найду, как вас спросить». Её лицо почти не изменилось. Только пальцы больше не стучали; один из них едва заметно поднялся, словно женщина пыталась показать, что услышала.

Под матовым стеклом соседней капсулы лежал мальчик лет восьми. В его кулаке была зажата бумажная лодочка, свёрнутая из страницы арифметической тетради. Алексей долго смотрел, пытаясь понять, откуда игрушка взялась в стерильной камере. Максим ответил, что вещи иногда остав-

ляли родственники до закрытия сектора. Потом родственников тоже поместили в капсулы, но личные предметы система не сочла важным переносить в новый каталог.

— Ты говоришь об этом так спокойно, — сказал Алексей.

— Если я начну кричать всякий раз, когда вижу несправедливость, здесь никто не услышит, что нужно переключить кислород.

Он подвёл Алексея к схеме резервных магистралей. Красные линии сходились в одном узле; его отключение остановило бы подачу воздуха сразу в нескольких залах. На другой схеме значились тысячи человек с отметкой «неполная реабилитация». Некоторые бодрствовали во сне, некоторые могли говорить лишь через датчики, у некоторых сознание не совпадало с новым телом. Максим показал список медиков, которые когда-то возражали против погружения. Большинство уже сами находились в капсулах.

— Зачем сохранять их возражения? — спросил Алексей.

— Это сделала Анна. Она утверждала, что согласие имеет значение только там, где можно сохранить и отказ.

Женщина за стеклом заметила, что Алексей читает её имя. Он назвал его вслух. Она закрыла глаза на секунду — то ли от облегчения, то ли от усталости. Ему впервые стало ясно, что разбудить человека и спасти его — не всегда одно и то же.

Из глубины зала донёсся голос диспетчера: «Незарегистрированный наблюдатель обнаружен». Лампы начали гас-

нуть от дальнего конца к ближнему. Максим вытащил карту доступа.

— Нам пора. Сюда уже отправили охрану.

Алексей отходил, глядя на тысячи живых лиц. Утром он думал, что остался единственным человеком на Земле. Теперь понимал: оставаться одному можно и посреди целого города, если никто не может самостоятельно открыть глаза.

Глава 8. Человек, которого не было

В ремонтном тоннеле пахло озоном и сырым железом. Они шли между двух рядов закрытых дверей, пока не услышали негромкий стук металлического предмета о стекло. Три удара, пауза, ещё два — те же сигналы, что Алексей слышал на лестнице метро.

Мужчина со шрамом сидел за перегородкой диспетчерского поста. Теперь Алексей видел его отчётливо: седина у висков, морщины возле глаз, рубец, уходящий к уху. Незнакомец носил ту же привычку при разговоре тереть большим пальцем сустав указательного.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал мужчина.

— Кто вы?

— Алексей Воронцов. Только тот, которого не должны были показывать тебе раньше времени.

Максим тихо произнёс: «Нулевой». Старший Алексей поморщился.

— Не называй меня номером. Ты знаешь, как я это ненавижу.

Алексей не верил ни глазам, ни голосу. Мужчина рассказал о детстве, о разорванной карте возле школы, о том, как Анна однажды разбила чашку и две недели прятала осколки в ящике с инструментами. Последней истории никто не знал. И всё же Алексей понимал: система могла прочитать

эти воспоминания и вложить их кому угодно.

— Зачем вы здесь?

— Потому что я попытался её выключить семь раз. Сначала лично, потом через тебя. И каждый раз боялся, что исчезнут люди, которые держатся за неё.

Старший Алексей достал из кармана часы. На стекле была косая трещина, как у Анниных. Но стрелки показывали не 04:18, а 04:19.

— Это случилось однажды, — сказал он. — На одну минуту система потеряла контроль. В эту минуту я увидел, что существуют люди, которым она больше не должна ничего исправлять. После этого я перестал искать правильное прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.